Зимой в Конохе стало холодно.

Это был факт. Зимы были холодными. Это было первой из причин, почему они были зимами. Зимы были холодными, солнце было горячим, ночь была тёмной, а вода была мокрой. Холод — отсутствие тепла и энергии. Торможение молекул. Хагоромо объяснил всё это, когда Курама всё ещё был коротколапым, пушисто-хвостым кутёнком, и теперь Курама в первый раз в жизни узнавал, что именно значил холод для кого-то, кто действительно мог чувствовать температуру.

Его зубы стучали. Его пальцы, и без того медленные, дурацкие и неловкие, имели координацию движений как у бьющегося в конвульсиях кита.

Углы единственного в комнате окна были присыпаны изморозью. Деревья снаружи были голыми и безжизненными. Разговоры о газе, счетах за отопление и вирусах гуляли в округе — обрывки бесед, слышные сквозь стены комнаты, которые Курама не особенно понимал. Он надеялся, что речь шла о том, чтобы поднять эту проклятую, истощающую его температуру. В конце концов, в этом здании были крошечные люди, а холод обычно не был чем-то хорошим для функционирования их внутренних органов.

А в частности — его внутренних органов. Сбоящих. Ужасно. Из-за холода. Ну или, возможно, температура никак не была с этим связана, а всё дело было в том, что его новая придурочная оболочка испытывала какого-то рода новую проблему, что всегда было более чем возможно.

Курама не мог припомнить, чтобы Кушина когда-либо испытывала подобные сбои. Он не мог припомнить подобного и у Мито, хотя большая часть его времени вместе с Мито была проведена в бессознательном состоянии.

Что показательнее всего, кушиново отродье не страдало от этих сбоев.

Отродье много шаталось вокруг на своих неустойчивых ногах, много раз ударялось о колыбельку и много раз падало лицом в пол. В отличие от Курамы, оно не начинало дрожать, едва покинув безопасность одеял.

Кураме пришлось похоронить себя под двумя свитерами, вязанной шапкой, шарфом, больше похожим на одеяло, и пятью настоящими одеялами, прежде чем ему стало достаточно тепло. В конце концов он превратился в крошечный комок под горой несочетающейся цветочной ткани. Всё было в цветочных узорах. Причиной этому было то, что их основным поставщиком был Щенок, а у Щенка был дерьмовый вкус.

Это было унижительно, и это, Отец побери, было помехой плану.

Согласно плану Курама уже должен был, следуя примеру отродья, попробовать себя в ходьбе, но холод, для противостояния которому были необходимы двадцать слоёв одежды, был весьма весомым аргументом против того, чтобы Курама бродил вокруг, пытаясь одновременно

управлять сотней разных частей тела. Это упражнение потребовало бы больше энергии, чем имелось у Курамы, а у него с самого начала её было немного. На первом месте была эффективность.

Так что вместо этого Курама читал.

За прошедшее время Щенок сбросил в руки Курамы множество книг. Первые, как предположил Курама, предназначались для детей — яркие, с большими словами и множеством картинок. Со временем, впрочем, разнообразие этой коллекции книг становилось всё более и более широким — от сборников стихов до чего-то, напоминающего учебное пособие по истории с убийственным названием "История о Бесстрашном Шиноби". Курама мало что знал о детях, но он был запечатан в Кушину достаточно рано, чтобы знать, что их навыки чтения не прогрессировали так быстро, пока они не выходили из личиночной стадии. В основном Курама использовал книги, чтобы бить отродье по голове.

Порой он смотрел на названия книг и задавался вопросом, не было ли это проверкой. Но... вероятно нет. Щенок испытывал много тревоги и замешательства, но никогда не подозревание. Щенок, возможно и куда более вероятно, просто не имел ни малейшего понятия, что он вообще творил.

Потом пришла зима. Книги всё ещё считались за (не особенно эффективные) средства сдерживания отродья, но Курама наконец нашёл в себе силы заглянуть в них. Хотя бы от скуки.

Ему, в любом случае, нужно было освежить свои навыки чтения — Курама был далеко не безграмотен, но когда последний раз он читал что-либо лично, не обрывками памяти, видимыми из чужих глаз, больше чем четыре сотни лет назад. С тех пор письменность изменилась, и она продолжала меняться. Нюансы в грамматике и прозе. Кандзи, которые начали жить своей совершенно отдельной жизнью. Лёгкие изменения в хирагане. Это были маленькие изменения, но, будучи соединёнными вместе, они заставили уровень понимания текста Курамы стремительно упасть, и это было помехой и ещё одним поводом для гнева.

Отец Курамы потратил много времени на то, чтобы научить Кураму нормально читать. Почему люди не могут быть умнее и прекратить трогать то, что прекрасно работало?

Иногда отродье читало вместе с ним.

Ну, Курама читал, а отродье издавало радостные звуки и цеплялось подбородком за курамино плечо. Его любимой была книжка с картинками, где были лиловый кот и белая собака. Оно начинало каркать: "Ину-Ину!" каждый раз, когда появлялась собака — это случалось на каждой странице — и тогда Курама без особой надежды вздыхал: "Да, а теперь заткнись".

Хорошей стороной было то, что после десяти минут ужасного, ужасного декламирования Курама мог бросить книгу на другой конец комнаты, и отродье бросалось за ней как замотанная в оранжевое маленькая канарейка, выкинутая из гнезда. Иными словами — спотыкаясь и качаясь с большим количеством энергии, нежели грации. Потом оно становилось

полностью очаровано лиловым котом и белой собакой на ближайшее время, прежде чем неизбежно заскучать, но даже так Курама получал приличное количество свободного времени и, что важнее, дистанцию между собой и отродьем.

В удачные дни отродье не преодолевало весь обратный путь до колыбельки и просто устраивало себе послеобеденный сон на полу.

Курама читал. Ему были нужны основы. Он разбирался в печатях, но большая часть его знаний была впитана через опыт Узумаки Кушины, поскольку они никогда не были объектом его интереса, когда он был моложе и Отец был жив. Экспертом по печатям был Шукаку. Иронично — учитывая, что последним, что Курама слышал о старшем из своих братьев — Шукаку был пьян и безумен (пьянство имело прямое отношение к безумию), и это было по крайней мере на три четверти из-за того, насколько абсолютно дерьмовыми были мастера печатей в Песке.

Но опять же, все мастера печатей были по определению дерьмовыми. Как только Курама освободится, он взорвёт всех их, чтобы убедиться, что ничего подобного никогда, блять, больше не произойдёт.

Курама позволял отродью одну привилегию.

Они спали бок о бок. Так было всегда. В самые первые месяцы это было, потому что Курама не мог двигаться, а теперь это было из-за того, что их колыбелька, забитая слоями одеял, подушек, книг, погремушек и тупых резиновых кунаев, была слишком мала.

— Курама, — сказал Курама, кривясь от звуков собственного детского, щебечущего голоса, но не останавливаясь. — Меня зовут Курама.

Когда-то давным-давно Кураму назвали в честь храма.

Ещё горы, да, но в основном — храма.

Две тысячи лет назад в этом месте Хагоромо и его последователи изучали окружающий мир. Белые мраморные стены, витые башни, величественная часовня с витражными окнами. Храм стоял между горной вершиной и облаками, так высоко, что воздух становился разреженным.

— Мой пра-прадед, — говорил Отец, показывая Кураме закат, пылающий над хвойным лесом внизу, — пришёл в эти земли со своими братьями и возвёл этот храм в честь их матери.

Это было наследием Хагоромо, точно так же, как дворец Кагуи был наследием его брата,

Хомуры. И именно отсюда пришло имя Курамы.

Две тысячи лет назад Курама был рождён последним в череде из одиннадцати детей, рождённых с половиной силы Бога. Две тысячи лет назад история лишь начиналась, цивилизации едва начали зарождаться вновь после катастрофы, которой было жестокое правление Кагуи.

Курама был назван в честь горы Курама, храма Курама и всего, что они символизировали. Мир. Стабильность. Мудрость. Курама был рождён в любви и Отец надеялся, что он будет наставлять с ней, что он будет жить, чтобы помочь людям, пробирающимся через коварные изломы новых открытий, достичь блистательного будущего, которое наметил для них Хагоромо.

Всё закончилось не совсем так. Две тысячи лет спустя Курама был полон гнева, ненависти и горькой, ужасной ярости. Ашура и Индра пытались убить друг друга, унеся за собой половину мира, и их потомки решили выбрать для себя карьеру убийств, насилия и воровства. Но всё равно, хотя Курама и нарушил свои обеты, он помнил своё имя. Это был подарок, что дороже золота, сердечный и драгоценный, который он держал у сердца веками. Отцовский подарок. Отцовское благословение.

И люди решили назвать его Менмой. В честь ёбаного ингредиента для рамена.

Он был готов перетерпеть множество унижений в ближайшее десятилетие или около того, но Курама не собирался ни при каких обстоятельствах выносить имя Менма.

— Повтори. Курама.

— Ра-ра?

Отродье посмотрело на него и моргнуло своими голубыми глазами. В бледном лунном свете они казались серебрянными. В этот раз, в отличие от прочих, Курама сидел лицом к отродью, а не к выщербленным бортикам колыбели. Они были достаточно близко друг к другу, чтобы Курама чувствовал, как поток воздуха от слов отродья щекочет его кожу.

— Да. Ку-ра-ма.

Однажды Курама убьёт этого сопляка. Этого человеческого мальчика, который был кураминим тюремщиком и его головной болью, кто имел ключ Намиказе на своём животе. Курама ненавидел его изо всех сил. Мальчик даже не знал, что это всё означало. И была ирония в том, что он был, ко всему прочему, и свободой для Курамы. Курама уже почти тысячу лет не достаивал никого - ни человека, ни зверя, ни птицу - своим именем, но ради свободы и мести он дарует Узумаки Наруто эту единственную привилегию.

К тому же, отродье неизбежно начнёт говорить больше чем "Ину-Ину", "ням-ням" и "рам-рам!". И если Курама будет вынужден каждые две минуты слушать "Менма-Менма!", исходящее из тупого рта этого сопляка, его терпение крайне стремительно закончится.

Пришла весна, полная грязной земли и свежих дождей, и Курама научился ходить.

Он сбросил свои зимние покровы, как мечущаяся гусеница — иными словами, с крайне малым изяществом и большим количеством дёрганий. Одежда была собрана вместе в один из углов комнаты. Игрушки и книги были сложены кучами на полу. Курама, впервые за семнадцать месяцев, проводил больше времени снаружи их выцветшей голубой колыбельки, чем внутри неё.

А ещё он проводил больше времени, падая лицом в землю; больше, чем он считал возможным.

Ходьба означала постоянное стояние на двух ногах, и у Курамы больше не было хвостов. Учиться удерживать равновесие ему пришлось заново.

Курама спотыкался и падал на зад и колени, и, во многих случаях, на нос. Теперь это он был тем, кто почти постоянно цеплялся за отродье, по крайней мере на первых этапах. Ему нужен был противовес. Он вцеплялся ногтями в руку отродью, или в его плечо, или в воротник его одежды. Он всё равно заканчивал, шатаясь и спотыкаясь каждые десять секунд.

Оно было совершенно неправильным, это тело. Его ноги, конструкция, крошечная, хрупкая оболочка, которую оно из себя представляло. Слишком маленькое. Всё разных форм и размеров. Неправильное, неправильное, неправильное. Курама привык нависать над широкими лесами и скошенными крышами встречных деревень, не быть незначительным по сравнению с ними и запертым внутри. Он был слишком слаб в таком виде — цыплячьи косточки под слоем кожи и сухожилий. Люди были слабыми во всём. Их жизни были так коротки — просто всполохи огня, оставляющие лишь пепел на ветру, их тела уязвимы. Одной вспышки гнева Курамы было достаточно, чтобы заставить лучших из них задыхаться, когда его чакра окутывала их вредоносной дымкой, погружаясь под кожу, выжигая эту хрупкую искру из них.

Курама сделал два шага, почувствовал, как центр его массы неожиданно сдвигается, а затем упал на пол с громким "Арргх".

— Рама? — сказала отродье.

Курама перекатился на спину и искоса посмотрел на потолок. И на лицо отродья.

— Уйди.

— Верх-верх?

— Нет.

Отродье шлёпнулось рядом с ним с тихим "Умф!", создавая лёгкий порыв ветра, после чего перекинуло свою крайне непрощенную руку через живот Курамы.

— Сон! — объявило оно.

Курама отбросил его руку прочь, но отродье было право. Сейчас, к сожалению, было время для сна.

— Ину-Ину? — прощепетало отродье.

— Я не знаю, — рассеянно ответил Курама, переворачивая страницу. — Спроси его, когда он вернётся.

— Хочу Ину-у-у-у-у, — заныло сильнее отродье, роняя свои руки на плечи Курамы.

— Тебе всегда хочется шавку.

— Не-а!

Курама закатил глаза. Этим утром яркие лучи солнца падали через окно в комнате, чтобы подсвечивать комки пыли и отражаться от блестящей обложки кураминой книги – большого тома с гляцевыми разворотами пейзажей, заснятых человеческими камерами.

— Или тебе хочется рамена. Ага. Я в курсе. Такая большая разница.

— Рама-Рама! — жизнерадостно согласилось отродье. Его пальцы ударили по фотографии пустыни, целиком состоящей из волн золотого песка под выбеленным небом. Курама пронаблюдал за тем, как оно пристально изучало изображение в течение, ох, трёх секунд, прежде чем его внимание неожиданно переключилось и девяносто процентов веса отродья придавило спину Курамы.

— Кон-е-еты!

— Нет, — сказал Курама, опять переверачивая страницу. В этот раз это были голубые озёра. Горы на заднем плане. Волны бледного серебристого тумана расплывались вокруг, и немного белого снега лежало на горных хребтах.

Отродье не особенно любило, когда ему говорили "нет", так что, конечно же, это всегда было первым что Курама делал. Вес на его спине вырос многократно.

— Кон-е-е-еты, — провизжало отродье прямо Кураме в ухо.

На языке отродья это, по сути, означало следующее: "Я голоден, и Щенка нет рядом, чтобы меня развлекать, и я хочу чего-нибудь сладкого и чем-нибудь заняться. Пожалуйста, покорми меня, Курама, желательно своими шоколадками. Или я использую все свои лёгкие, чтобы кричать, пока ты не оглохнешь." Сейчас Курама был великолепен в додумывании однословных младенческих сообщений отродья.

Это не было навыком, которым он невероятно гордился, но он был крайне необходим.

— Нет, — сквозь зубы прошипел Курама снова. У отродья были свои собственные конфеты. Отродье никогда, никогда не получит конфет Курамы. Отродье, кроме того, уже съело все свои конфеты, но исключительно его собственная глупость была виной тому, что оно не умело нормировать своё продовольствие.

У Курамы было три шоколадных батончика, пакет мармеладок, два кекса и леденец - всё аккуратно спрятано прочь. Поскольку пусть даже Щенок и был натренирован на курамин автоматический раздатчик конфет, его визиты всё ещё, знаете ли, имели временные промежутки между собой. И в эти промежутки конфеты порой становились редкостью.

Как следствие: нормирование.

Щенок был достаточно умён, чтобы понять, что должность автоматического раздатчика конфет давала ему привилегии. Попытки натренировать из отродья вьючного мула (чтобы тот таскал все вещи Курамы вместо него самого) привели к куда менее впечатляющим результатам. У отродья были мозговые клетки как у стукнутой дыни.

Этого, однако, на практике всё равно было достаточно для того, чтобы найти основной тайник со сладостями Курамы, поскольку отродье слышимо скуксилось, проскулило: "Ра-а-а-ама", после чего перевалилось окончательно через плечо Курамы, падая ему на колени и книгу, и принялось атаковать карманы Курамы ради спрятанного мармелада. Курама взвизгнул, яростно и пронзительно. Он прицелился и пнул сраное отродье в бок. Когда это ни к чему ни привело, он вцепился в одно из крошечных запястий и укусил изо всех сил.

Отродье взвыло. Дёрнувшаяся в конвульсиях рука ударила Кураму по лицу. Он расслабил зубы и тогда отродье вернулось к попыткам добраться до мармеладок.

Курама вытащил книгу из-под заметно тяжёлого тела отродья и попытался избить его ей.

Улицы Конохи, с точки зрения крошечного человеческого ребёнка, были огромными.

И подавляющими.

Запахи, ощущения. Кусачий сухой ветер покалывал кожу Курамы, солнечный свет жалил его глаза, в воздухе птичьи трели смешивались с какофонией криков и захлопывающихся окон. Здесь было слишком много. Просто. Слишком много ощущений. Незнакомых ощущений. Человек-Обезьяна зашёл на рынок с отродьем, ковыляющим за ним по пятам, и глупое, глупое тело и глупые, глупые чувства Курамы провели расчёты, совершили ошибку и сломались.

Он замер.

А потом его шатающиеся, всё ещё непривычные к прогулкам на долгие дистанции ноги решили, что он должен упасть на свой зад, немедленно.

Курама проделал хорошую работу, не падая в грязь на протяжении всей долгой прогулки, чёрт побери. Он даже нехотя использовал руку отродья в качестве костыля, потому что падать на глазах всех этих наблюдающих-краем-глаза насекомых было в сотни раз более унижительней. Первая часть их длинного пути была преодолена с относительной грацией. Курама бросал взгляды на разрушенные сооружения. Там были дома, разрушенные до деревянных оснований, сохранившиеся остатки зловония, целые кварталы деревни, разрушенные яростью Курамы и всё ещё хранящие следы разрушения; и Курама смотрел на них и чувствовал тихое, вязкое удовлетворение.

А потом они достигли рынка и его оболочка просто сказала: НЕТ.

Проклятый Человек-Обезьяна заметил первым. Он остановился, из-за чего отродье на секунду столкнулось с его ногой, и посмотрел на Кураму. Курама захотел сорвать его уродливую шляпу и запихнуть её ему в глотку.

— Всё в порядке, Менма-кун?

Злобный взгляд был ему единственным ответом. Курама представил, как избивает что-нибудь. Потом он мысленно сказал своей оболочке перестать ныть и смириться и поспешно, но осторожно поднял себя на ноги.

Он вонзил свои ногти в руку отродья и дернул головой в жесте, означающем "пойдём".

— Ну, если хочешь, — озадаченно сказал Человек-Обезьяна и продолжил идти своим медленным, шуршащим шагом.

Они остановились у раменной.

Ну конечно они остановились у раменной.

Отродье, благодаря генетике Узумаки, было в полном восторге. Оно отпустило робу Человека-Обезьяны и вскарабкалось на деревянный стул, полное звенящего энтузиазма. Курама нахмурился достаточно сильно, чтобы его лицо начало болеть. Он никуда не забирался. Он посмотрел на сальный навес, и очень знакомый запах лапши, и не менее знакомого мужчину в белой шляпе и фартуке и оскалился.

— Рамен? — сказала отродье, глядя на мужчину с надеждой. Оно закачало ногами.

— Верно, — сказал повар, улыбаясь. — Впервые здесь?

— Ну, они уже достаточно выросли, чтобы ходить, — ответил Человек-Обезьяна.

Он заказал на них обоих: рамен с олениной и свиной рамен, с десертом из данго в липком сладком соусе. Курама немилосердно подумал, что Щенок, должно быть, проболтался. Через несколько минут еда была готова — огромные, источающие пар миски, пахнущие маслом, жареным мясом и бульоном, и отродье обрушилось на свою лапшу как Сайкен на... что угодно, в сущности. Он закончил быстро, как настоящий пылесос, и когда в его тарелке больше ничего не осталось, Курама толкнул свой нетронутый свиной рамен в его направлении.

По какой-то причине владелец раменной крайне пристально наблюдал за Курамой. Возможно, дело было в том, что он не ел лапшу. Вместо этого он раздражённо жевал свою четвёртую палочку данго.

— Рама не рамен, — сказала отродье, морща нос в сторону повара. — Всё конеты.

Курама перенаправил свой хмурый взгляд, и отродье воспользовалось возможностью, чтобы украсть палку данго для себя.

— Серьёзно? — потребовал Курама. Он толкнул тарелку с остальными данго прочь, подальше от рук отродья.

— М-м-мхм-мухм-м, — ответило отродье.

— Приятно смотреть на братьев вместе, — ответил владелец раменной, продолжая улыбаться, и Курама был слишком занят, отражая атаки отродья на своё драгоценное, драгоценное данго,

чтобы кинуть в него шпажку. Владелец раменной достал третью миску откуда-то из-под стойки. Она слегка парила. Каким-то образом отродье прикончило и свиной рамен, хотя куда это всё девалось, Курама не представлял. Он перестал пытаться сбить Кураму со стула достаточно надолго, чтобы сфокусироваться на лапше.

Затем повар достал также ещё одну тарелку с данго.

— За счёт заведения, — прошептал он Кураме, и его неприязнь к этому человеку стала немножечко слабее.

К тому моменту, как они закончили, отродье превратилось в бессознательный шарик от поедания своего веса в виде жира и лапши, а Курама был слишком занят смаргиванием послеобеденной сонливости из своих глаз. Отродье спрыгнуло со своего кресла, а потом вновь упало на уродливую робу Человека-Обезьяны. Курама просто упал, точка.

— Приглядывайте друг за другом теперь, братья, — сказал владелец раменной, глядя на них с нежностью. И отродье сказало: "Ага", как будто знало, о чём говорит, и Курама, стоящий здесь, на этом пыльном углу улицы, пахнущем отвратительными жирными испарениями, со слишком горячим солнцем, палящим в спину, осознал значение этих слов и снова захотел воткнуть шпажку владельцу раменной в лицо.

Потому что они не были. Они не были братьями. У Курамы были братья и сёстры, восемь их, все запертые за чернильными линиями этими проклятыми Сенджу и проданные, словно вещи. У Курамы были братья и сёстры, и кушиново отродье не было одним из них. Кушиново отродье не было даже близко к этому. Курама не нуждался в том, чтобы о нём заботился результат двух худших ошибок человечества - Курама не хотел заботиться о мальчике, который был его тюрьмой, но он нуждался в том, чтобы Узумаки Наруто был жив.

Ему хотелось кричать.

— Нет, — сказал он отродью вместо этого перед пыльным магазином одежды. Это было то, что Курама говорил ему чаще всего. Всегда: "нет". И отродье моргнуло на него с непониманием, и Человек-Обезьяна был прямо здесь, и Курама вдохнул поглубже свою ярость и отказался говорить что-либо ещё.

Этой ночью отродье обернулось вокруг спины Курамы как необыкновенно теплое, необыкновенно приклеенное одеяло. Оно всё ещё пахло событиями прошедшего дня: пылью, немного дымом и масляным, тяжёлым привкусом раменного бульона. Морской солью и сушёной травой, как Узумаки Кушина. Напевом его чакры: летним океаном, смешанным со гневной, мстительной солнечной вспышкой Курамы. Оно чувствовалось как печь, и его руки обвилились вокруг шеи Курамы в крепком объятии, или удавке, которая ослабла только когда оно

провалилось в сон.

Шла ночь, и было темно, и мир был приглушен вокруг них. АНБУ за окном, проблески чакры вдали. Отродье, всегда ярчайшая, ярчайшая вещь, ближайшая вещь, самая ненавистная вещь, горящая жаром белого солнца.

Руки обвилились сильнее вокруг кураминых плеч. Курама сдвинулся, прижал свой лоб к стенке колыбели, посмотрел на то, как пряди его красных волос выглядели более коричневыми в темноте. Сонный вздох отродья пронёсся рядом с его ухом.

— Люблю тебя, — пробормотало оно в волосы Курамы. — Люблю тебя, Рама.

Курама прикусил вопль и не ответил.

Примечания:

1. Какashi просто предполагает, что Наруто поместил две свои любимые вещи в одну и ту же категорию. Так что когда речь идёт о рамене, то это "рама!", и когда речь идёт о его брате, то это тоже "рама!".

2. Курама сильно похож на Кушину. Теучи не забыл своего самого частого посетителя.

<http://tl.rulate.ru/book/58665/1500350>